

А. П. Нарчук

(ГГУ им. Ф. Скорины, Гомель)

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК В АСПЕКТЕ ПРОЦЕССОВ ФЕМИНИЗАЦИИ В ГЕРМАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

*Настоящая статья посвящена рассмотрению возникновения и развития явления, связанного с употреблением в немецком языке лексических единиц, возникших под влиянием «феминистской лингвистики». Проблема феминизации немецкого языка была исследована на примере наименований профессий, образованных от соответствующих существительных мужского рода способом эксплицитной деривации с помощью форманта **-in**. Также в статье была проанализирована языковая ситуация с наименованиями женского рода в условиях приоритета мужчины на древнейшем этапе развития германского общества.*

В немецком языке сложилась ситуация, характеризую которую современные германисты утверждают, что в нем, в отличие от других европейских языков, окончательно устранена диспропорция между мужским и женским полом, а борьба женщин германского общества против «маскулинности» немецкого языка наложила на него четкий феминистический отпечаток. Речь здесь идет о существительных женского рода, обозначающих род занятий или профессию. В отличие от русского языка, в котором выработались устойчивые «женские» словоформы типа *продащица, поэтесса, вахтерша*, но при этом непривычно либо некорректно звучат образования *врачиха, дирижерша, деканша*, в немецком языке с некоторых пор выдерживается строгая последовательность между формой существительного и гендерной принадлежностью. Многие лексемы, ранее употребляемые в качестве коллективных обозначений в форме мужского рода, все чаще приобретают морфологический маркер женского рода **-in** и перерождаются в прежде несвойственные для немецкого языка образования: *der Amtmann – die Amtmännin, die Mitglieder – die Mitgliederin, der/die Beamte – die Beamtin, der Soldat – die Soldatin* и т. д. В связи с этим Ю. М. Шемчук констатирует, что сегодня приходится говорить о триумфе феминизма в немецком языке. Активность приверженцев женской независимости в германском обществе достигло такой степени,

что строй немецкого языка и его использование вынуждены ориентироваться на эмансипацию и равноправие женщин [1, с. 83–84].

Изучающий эту проблему журналист и исследователь немецкого языка Б. Зик пишет по этому поводу следующее: „*In anderen Ländern mag es zweisprachige Schulen und zweisprachiges Fernsehen geben, bei uns gibt es die zweigeschlechtliche Anrede. Alles, was gedruckt oder gesendet wird, wird doppelt adressiert, einmal an die männlichen und einmal an die weiblichen Empfänger*“ [2, с. 169]. Проблема феминизации наименований профессий, по его мнению, перемещается в немецком языке в такую плоскость, что в угоду политкорректности это так называемое «родовое перерождение» (термин Ю. М. Шемчук [1, с. 82]) может со временем затронуть любую лексему, где отсутствует гендерная дифференциация. Например: *die Erstsemesterin, die Teenagerin, die Gläubigin, die Faulenzerin, die Schwarzfahrerin, die Steuerhinterzieherin, die Sozialschmarotzerin, die Negerin, die Schlägerin* (примеры заимствованы из статьи Б. Зика) [2, с. 168–172].

Надо сказать, что похожая тенденция прослеживается и в других языках, в частности во французском или английском, но по интенсивности подстраивания структуры языка под обретение женщиной идентичности в социуме немецкий язык опережает все другие. Если носители французского языка относятся к употреблению феминизированных наименований профессий достаточно консервативно, то германское общество безоговорочно приняло принципы так называемой «феминистской» лингвистики. Немецкий язык ярчайшим образом отразил процессы изменения социальной реальности, в первую очередь, через резкое увеличение количества женских наименований, которое было достигнуто за счет эксплицитной деривации соответствующих существительных мужского рода с помощью словообразовательного элемента **-in**. Сегодня немецкий язык не только не сопротивляется процессам феминизации наименований профессий и родов деятельности, но и воспринимает это как что-то естественное, заложенное в нем издревле.

В условиях патриархального общества, когда мужчины и женщины находились как партнеры по речи на разных уровнях социальной иерархии, суффикс женского рода **-in** был распространен значительно реже и первоначально просто отражал элементарные внутренние потребности языковой системы. В древневерхненемецком языке он использовался в так называемых стандартных «мовированных образованиях» (термин Н. Ф. Филичевой), когда от соответствующих существительных мужского рода было необходимо производить существительные женского рода по типу *Wolf – Wölfin, Herr – Herrin*

и т. д. Н. И. Филичева показывает, что этот способ словообразования уже в то время был достаточно жизнеспособным. Возникновение самого суффикса **-in** из сочетания **-n + jo** датируется еще донемецким, общегерманским периодом и связано, как пишет Н. И. Филичева, с древним типом склонения существительных на согласный **-n**. Отсюда в германском появляется суффикс **-injo**, в древневерхненемецком **-in**, получивший здесь большое распространение: *kuningin* – 'Königin', *gutin* – 'Göttin', *friuntin* – 'Freundin', *gestin* – 'Gästin', *magin* – 'Verwandte', *scelkin* – 'Dienerin' (примеры заимствованы у Н. И. Филичевой) [3, с. 118].

Данный новообразованный суффикс **-in** не следует смешивать с исконным уменьшительным формантом **-in**, который в древневерхненемецком языке использовался в существительных среднего рода. Например: *magatin* уменьшительное к *magad* – 'Mädchen', *fulin* – 'Füllen', *zickin* – 'Zicke' и т. д. С развитием языка он был в дальнейшем либо заменен суффиксами **-chen** и **-lein**, либо сохранился в форме **-i** в уменьшительно-ласкательных образованиях типа *Vati*, *Mutti*, *Weibi*.

Следует учитывать, что на протяжении некоторого времени с суффиксом женского рода **-in** в древневерхненемецком языке конкурировал старый германский суффикс **-a**, который по аналогии с **-in** выступал как средство симметричного отображения в старом языке существительных женского рода. Например: *gastgebo* – *gastgeba* (Gastgeber – Gastgeberin), *ano* – *ana* (Großvater – Großmutter), *fridil* – *fridila* (Geliebter – Geliebte) и т. д. [4, с. 334]. В дальнейшем суффикс женского рода **-a** в результате процесса редукции преобразовался в **-e**, который является в современном языке признаком существительных женского рода: *die Höhe*, *die Taube*, *die Fliege*, *die Spinne*. Но продуктивность форманта **-in** была настолько высока, что в некоторых случаях он даже вытеснил этот исконный суффикс **-a(e)**: *vohe* – *füchsin* (Füchsin), *vriedele* – *vriedelin* (Geliebte, Freundin) [5, с. 293, 298].

Можно предположить, что его жизнеспособность и широкая распространенность в современном языке обусловлена тем, что в отличие от суффикса **-a** он остался нередуцированным и в таком виде прошел через многие столетия. Пока в старом германском обществе сохранялось доминирование мужского видения картины мира, немецкий язык игнорировал женщину. Женщина отчетливо называлась в языке лишь тогда, когда этого требовал ее социальный статус соответственно историческому периоду развития общества. Например: *es war der kellerin lieb, vnd sie wolt der engel im grab sein* [6, с. 143]. Данный пример из народного романа конца 15-го века содержит средневерхненемецкое существительное *kellerin* (Hausmagd, Kindsmagd)

как производное от мужского *keller* (Kellermeister, Verwalter der Weinberge). *Kellerin* произведено с помощью форманта **-in** и называет специфический вид женской деятельности в доме, отличающейся от сугубо мужского занятия *Verwalter der Weinberge* [5, с. 105]. Речь не идет при таком изменении в словоупотреблении о стремлении отразить равноправное положение женщины в социуме и ее общественную роль, а об элементарном «мовированном» образовании в лингвистическом контексте. Языковая тенденция обозначать женщину в контексте ее профессии, рода деятельности или общественного положения в немецком языке отсутствует до самого последнего времени. Об этом свидетельствуют примеры, заимствованные из текста начала 20-го века немецкого историка-искусствоведа Г. Дегио, в котором фигурируют только существительные мужского рода без их переориентации на женский пол: *die Franzosen, die Niederländer, die Spanier, die Bewohner, die Gegner, der Protestant, der Katholik, der Anhänger, der Deutsche, die Dichter, die Künstler, der Flötenspieler* [7, с. 266–271]. Несмотря на то, что в перечисленных коллективных обозначениях контекстом предполагается одновременное обращение к обоим полам, мы наблюдаем так называемую гендерную языковую асимметрию, при которой немовированная форма является на тот период времени единственно возможной. Лишь в одном случае употребляется мовированная форма существительного мужского рода *Freund*, которая вытекает из лингвистической потребности согласовать род и пол существительного *Freund* с существительным *Musik*. Например: *allen Volksteilen gleichmäßig eine **Freundin** war nur die Musik* [7, с. 271]. Совершенно очевидно, что здесь речь пока не идет об установлении взаимосвязи между языковой формой и прогрессивными социальными установками в германском обществе.

В таком фонетически полновесном виде формант **-in** по аналогии выступал и на более поздних этапах развития немецкого языка как функциональная производная от мужских имен самых разных типов склонения. Его прочная историческая база, обусловленная внутриязыковыми причинами, в современных условиях была модифицирована внеязыковыми факторами и привела к переориентации на восприятие такой перестройки языка, как отражение в нем общественных процессов. Немецкий язык, прежде фиксировавший приоритет мужского видения мира и построенный, как и все другие «мужские» языки, на гендерной асимметрии, в новейшее время демонстрирует, как никакой другой европейский язык, приверженность принципам прогрессивного, несексистского языка. Несмотря на то, что такое сознательное нормирование немецкого языка отягощает и утяжеляет план

его выражения (ср.: *an die Gutachterinnen und Gutachter der Bewerberinnen und Bewerber um ein Stipendium der GFPS e.V.*), это является, с нашей точки зрения, в условиях социальных инноваций современного германского общества необходимым и оправданным. Данный вариант отражения на грамматическом уровне гендерной характеристики существительного может вполне рассматриваться как устойчивая система. Тем более, что в силу наличия в немецком языке устойчивого элемента **-in** как давно существующего языкового резерва, сознание людей германского общества и сам язык особому давлению не подвергаются.

Список использованной литературы

1. Шемчук, Ю. М. Феминизация лексических изменений современного немецкого языка / Ю. М. Шемчук // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова: серия «Филологические науки». – 2010. – № 2. – С. 82–87.
2. Sick, Bastian. Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod: Folge 1 / Bastian Sick. – Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 2011. – 239 S.
3. Филичева, Н. И. История немецкого языка: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / Н. И. Филичева. – М.: Академия, 2003. – 304 с.
4. Жирмунский, В. М. История немецкого языка / В. М. Жирмунский. – М.: Высш. школа, 1965. – 408 с.
5. Henschel, Erich. Matthias Lexers mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch: achtundzwanzigste Auflage / Erich Henschel, Richard Kienast. – Leipzig: S. Hirzel Verlag, 1956. – 344 S.
6. Чемоданов, Н. С. Хрестоматия по истории немецкого языка / Н. С. Чемоданов. – М.: Высшая школа, 1978. – 288 с.
7. Bender, Ernst. Deutsches Lesebuch. Obersekunda / Ernst Bender. – Karlsruhe: Verlag G. Braun, 1965. 271 S.